

Анна Толкачева

Город Пустоты

Анна Толкачева

Город Пустоты

«Автор»

2026

Толкачева А.

Город Пустоты / А. Толкачева — «Автор», 2026

Она была человеком. Пока не погибла в погоне за преступником. Её тело восстановили, память скопировали, а личность превратили в расходный материал. Теперь Анна — биоконструкт. Она умирала шесть раз, и каждый раз её воскрешали, потому что «без тебя погибнут другие». Её не спрашивали. Новое задание: найти похищенного мальчика из российского интерната. Няньки-андроиды, которые вывезли ребёнка, перехвачены на границе, но их память стёрта. След ведёт в Токио — город, где биоконструкты составляют большинство, но живые люди считают себя высшей кастой. Её напарник — детектив Кэнъитиро Танака помогает, но что-то недоговаривает. Иногда Анна ловит его взгляд — тяжёлый, виноватый, будто он знает о расследовании больше, чем говорит. Анна начинает понимать, что её используют. Ложные следы, стёртые данные, подпольные торговцы воспоминаниями. Чтобы найти мальчика, ей придётся распутать клубок лжи и предательства. А чем ей самой придётся пожертвовать, чтобы обрести свободу?

© Толкачева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Отлучение	5
Глава 2. Свет воспоминаний	12
Глава 3. Город, в котором всё чужое	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Толкачева

Город Пустоты

Глава 1. Отлучение

– Вам придётся пройти со мной, – констатировала Анна, держа руку на кобуре. – После ваших признаний я обязана задержать вас и доставить в участок.

Директриса интерната «Рассвет» сидела за своим столом, и её посиневшие глаза метали молнии в сторону Анны. Наталье было около тридцати пяти, она ни разу не подвергалась трансплантации памяти, оставаясь живым человеком, и сейчас этот человек явно просчитывал варианты. Анна видела, как её пальцы побелели, сжимая подлокотники кресла, как дёрнулась правая нога под клетчатой юбкой, как расширились зрачки. Она приняла решение.

Резким движением директриса опрокинула стол, и тяжёлая деревянная столешница полетела вперёд вместе с папками, кружкой с недопитым чаем и бронзовой головой вождя. Её Наталья прицельно запустила Анне в голову. Анна успела отшатнуться, но угол стола всё же чиркнул по бедру, и боль выстрелила в бок, заставив задохнуться на секунду. Голова вождя пролетела мимо её плеча и разбила зеркало встроенного шкафа, осыпав пол осколками. Директриса не рассчитывала, что Анна наклонит голову, – она думала, что та отскочит назад, освобождая ей путь к окну. Именно туда Наталья и бросилась, ловко вскочила на подоконник и распахнула створки. Рама грохнула с такой силой, что, казалось, здание интерната вздрогнуло.

Анна выхватила пистолет, но не решилась стрелять в спину убегающей женщине. Она бросилась следом, перемахнула через опрокинутый стол, порезала ладонь об осколок зеркала и, не обращая на это внимания, вскарабкалась на подоконник. В раме на мгновение вспыхнул огонёк рыжих волос – Наталья уже бежала в сторону торгового центра, петляя между припаркованными машинами. Анна спрыгнула вниз, морщась от внезапно выстрелившей в бок боли, резко вдохнула так, что боль подстегнула, как жгучим ударом электрошокера, и рванула вперёд.

На втором уровне торгового центра воздух обдал кондиционерным холодом. Равнодушные лица андроидов-консультантов смотрели, как директриса скрывалась в толпе. Анна вращала головой, перескакивая взглядом с одной фигуры на другую, пока не ухватила на мгновение вздёрнутый нос, окружённый пожаром растрёпанных волос. Наталья стояла на эскалаторе, который медленно уносил её на первый этаж, и смотрела на Анну с выражением, похожим на злорадство. Анна рванула к эскалатору, расталкивая недовольных посетителей. Бедро адски жгло, сердце стучало в ушах, и в голове пульсировала одна мысль: «Нельзя терять ни секунды».

На первом этаже она выскочила из стеклянных дверей и побежала через парковку. Клетчатое платье Натальи мелькало между Москвичами и Ладами, и Анна, не сбавляя скорости, перелетела через ограждение и продолжила погоню. Наталья выскочила с другой стороны площадки. Анна напрямик перемахнула через крышу припаркованного автомобиля, и они побежали к выезду на трассу. Анна вскинула пистолет, целясь в ногу, потому что приказ Берсенева не терпел возражений: «Доставить живой».

И в последний момент, когда она уже нажимала на спусковой крючок, Наталья споткнулась на бегу, её нога подвернулась, директриса дёрнулась и поникла. Пуля вошла ей между лопаток. Женщина охнула, выгнулась дугой и упала лицом вниз, под колеса автомобиля, который стоял на выезде. Лужа под её головой разрасталась с пугающей быстротой, заполняя трещины в асфальте. Анна опустила пистолет, хватая ртом воздух, и упёрлась ладонями в колени. Горло пересохло. Сердце колотилось где-то в гортани. Больше она не чувствовала ничего. Ни удивления, ни отвращения, ничего. Пуля легко и даже естественно вошла в тело, как будто заняла заранее заготовленное для неё место.

Анна отошла и прислонилась к прозрачной стене фастфуда на вынос.

Через дорогу строители, прикрывшись оранжевыми куртками, бросились прятаться от дождя под навес. Анна наблюдала за ними рассеянным взглядом, но думала о другом. Такая нелепая случайность стоила женщине жизни или, по крайней мере, серьёзного ранения. Ее слух уловил сирену, и Анна выпрямилась, одёргивая форменную куртку. Группа захвата подросла вовремя, как всегда, когда основная работа уже сделана.

Из-за угла выезжали чёрные микроавтобусы, и Анна помахала им рукой, показывая, что цель обездвигена. Командир, молодая женщина с короткой стрижкой, подбежала и бросила быстрый взгляд на Аннину форму, которая пропиталась кровью. «Вы ранены?» – спросила она, и Анна только сейчас заметила, что боль в бедре превратилась из острой в тупую, почти привычную. «Царапина, – ответила она, прижимая ладонь к повреждённому месту. – Займитесь телом. Нужно отправить его в лабораторию воспоминаний, пока оно не остыло».

Внутри Анны пульсировал холодный тревожный ком. Она нарушила прямой приказ. Полковник Берсенева инструктировал чётко: директрису необходимо задержать и доставить живой для допроса, потому что только она могла назвать имя посредника, через которого в Россию попали японские биороботы-няньки. Анна же, увидев, что она сбегает и может скрыться, приняла решение стрелять. Ее действия укладывались в параграф о предотвращении побега особо опасного преступника, но она знала Берсенева: тот терпеть не мог, когда его подчинённые проявляли инициативу.

Через пятнадцать минут она сидела в жёстком кресле оперативной машины и отвечала на вызов по защищённому каналу. Лицо полковника на экране планшета напоминало гипсовую маску, и только дёргающееся веко выдавало его ярость. «Анна, ты что, совсем рехнулась? – спросил он без приветствия. – Мы три месяца вели эту разработку, а ты одним выстрелом перечеркнула все планы. Ты это понимаешь?» Она молчала, потому что оправдываться было бессмысленно. Ее поступок выглядел как неподчинение, хотя на самом деле она руководствовалась простой логикой: если бы директриса добежала до торгового центра и смешалась с толпой, они потеряли бы её окончательно. Теперь же тело лежало на асфальте, и лаборатория гарантированно извлечёт из него хотя бы остаточные следы недавних контактов.

«Возвращайся в участок, – приказал Берсенева, отключаясь. – Будем решать, что с тобой делать».

В отделении Анну встретил запах дешёвого кофе и озонной вони от работающих на полную мощность серверов. Она прошла в кабинет Берсенева и остановилась у порога, ожидая, пока он поднимет голову от экрана ноутбука. Полковник сидел за массивным столом из чёрного дерева, и его пальцы барабанили по столешнице в ритме, который она научилась распознавать как признак крайнего раздражения.

– Садись, – сказал он, указывая на стул, и Анна послушно опустилась на жёсткую поверхность.

Он не заговорил сразу. Вместо этого снял очки, протёр их замшевой салфеткой и снова надел, глядя на Анну так, будто видел впервые. Очки не были ему нужны – почти у всех давно модифицировали глаза нейроимплантами, но Берсенева считал, что очки подчеркивают статус. Анна молчала, потому что знала: любой спор только ухудшит её положение. Пальцы Берсенева сцепились в замок.

– Ты хоть понимаешь, что наделала? – спросил он наконец. Голос его звучал тихо, но это было страшнее крика. – Мы три месяца вели эту разработку. Три месяца, Анна! А ты одним выстрелом перечеркнула все планы. Её память могли зашифровать. Или она использовала блокиратор. И тогда мы остались бы с пустыми руками. Ты об этом подумала, когда доставала пистолет?

Анна промолчала. Оправдываться было бессмысленно.

– Молчишь, – констатировал он. – И правильно. Потому что сказать тебе нечего. Я ведь предупреждал тебя в прошлый раз? Предупреждал. И в позапрошлый. Ты каждый раз нарушаешь приказы, каждый раз оправдываешься тем, что «иначе было нельзя». Но, Анна, система держится на дисциплине. Если каждый начнёт действовать по своему усмотрению, от Заслона ничего не останется.

Он отвернулся к окну и замолчал. Она смотрела на его широкую спину в форменном кителе и ждала приговора. В кабинете стало тихо – только гудели серверы где-то за стеной и редкие капли дождя били в стекло.

На столе у Берсенева замигал красный индикатор внутренней связи. Он нажал кнопку приёма и выслушал короткое сообщение, не меняясь в лице. Когда он посмотрел на Анну, его брови оставались еще сдвинутыми, но в глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение.

– Лаборатория только что прислала предварительные данные, снятые с ее зрительного импланта, – сказал он. – Так что формально ты оказалась права. Твоя пуля не уничтожила улики.

Он сделал паузу, давая Анне возможность вздохнуть с облегчением. Она не вздохнула.

– Но это ничего не меняет, – продолжил Берсенов. – Проблема не в результате. Проблема в том, что ты действуешь как партизанка в тылу врага. Устав предусматривает сначала доклад, потом решение, а потом действие. Ты же всегда делаешь наоборот. И я не могу оставить это без последствий. В любом случае твою память уже просканировали и скоро начнут разъяснение обстоятельств твоего преступления. Уже известно, что инспектор будет самый въедливый и дотошный из отдела внутреннего контроля.

Он позвонил по коммутатору, ему назвали номер кабинета.

Внутри Анны похолодело, но лицо осталось неподвижным. Перепрошивка означала вмешательство в её мозг, в те самые белковые структуры, которые делали её не просто биороботом, а биоконструктом с сохранённой памятью прожитых жизней. Она уже пережила пять восстановлений, и каждое из них оставляло шрамы на психике. Но добровольная перепрошивка под контролем Заслона была хуже смерти. После неё Анна могла потерять не только воспоминания, но и часть самой себя – свободу воли, которая отличала её от простых андроидов.

– Кабинет ты слышала. – Шеф отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен. Анна поднялась и вышла, стараясь не хлопнуть дверью.

* * *

Кабинет, куда она вошла, оказался незнакомым – пустые серые стены отражали падающий сверху искусственный свет, и от этого лицо сидевшего за столом человека казалось плоским, как маска. Он поднялся Анне навстречу – средних лет, в классическом костюме, с чёлкой набок. Воротник белой рубашки был застёгнут наглухо, галстук врезался в шею, и весь он напомнил ей птицу-секретаря из старого атласа, который она однажды листала в лаборатории. Конечно, он был из тех, кого описывали так: среднего роста, среднего возраста, ничем не примечательный. Каждое утро он вставал в 8 утра, шел на работу, а после приходил домой усталый.

– Меня зовут Герман Теодорович, я буду вести твоё дело, – отчеканил он, неотрывно глядя Анне в глаза.

– Я знаю, как вас зовут, – ответила она, подчеркивая интонацией слово «вас». Эта манера обращаться к незнакомцам на ты, явно намекавшая на его субъективное пренебрежительное отношение сразу дала понять, что разговор будет не из приятных. И что ее лучшая защита в этой ситуации – нападение.

Он начал перелистывать документы на планшете, морщить лоб, сдвигать брови, хмыкать. Можно подумать, что у него каждый день было штук по двадцать подобных дел, и поэтому перед каждым допросом просто необходимо освежить в памяти детали. После каждой прочитанной страницы он цыкал языком и бормотал: «Ну кто так пишет?» Было видно, что ему хочется ругнуться, но он давил это желание, покашливая. Анна внимательно наблюдала за ним.

– Согласно статье тридцатой действующего закона о полиции, – начала она, не дожидаясь его вопроса, – при попытке сопротивления, бегства и иных действиях, направленных против исполнения обязанностей, разрешается применение оружия. Таким образом, моё поведение не противоречит закону.

– Но ты убила человека! – Герман заорал так, будто держит в руке телефон, и он не работает. – Это непροститительно! Это человек! Ты это понимаешь или нет?

– То есть, в случае с другим живым существом убийство было бы прощительно? – спросила Анна. Герман завис на пару мгновений, обдумывая вопрос. – Я сомневаюсь в вашей компетентности, Герман Теодорович. Я требую, чтобы мне дали следователя-человека! – Не давая ему опомниться, выпалила Анна.

– Что это за шутки? – Он нахмурился ещё сильнее. – Я и есть человек!

– Вы андроид, Герман Теодорович, – возразила Анна, скрестив руки на груди. – Отодвиньтесь от стола на метр вместе со стулом.

– Это неправда! – Выпалил Герман, но отодвинулся, скрипнув ножками стула по кафелю.

– Тогда как зовут вашего лучшего друга?

Он замялся. Тишина в комнате стала плотной, как застывший клей. Анна смотрела на его лицо. Оно медленно теряло краски, становясь сначала серым, потом бледным, как бумага. Пальцы, лежавшие на столе, дрогнули и замерли, побелевшие костяшки выдавали напряжение. Взгляд Германа уставился в одну точку на стене, где трещина в штукатурке напоминала молнию. Где-то едва слышно гудела вентиляция, нагоняя в комнату приторный запах дешёвого освежителя воздуха. С ним смешивался другой, кислотоватый – запах пота, который проступил на его лбу. Он сглотнул, и Анна увидела, как дёрнулся кадык. Никто не говорил ни слова. Где-то далеко, этажом выше, кто-то тяжело процокал каблуками и снова стало тихо. Прошло, наверное, секунд двадцать, прежде чем он выдал из себя имя. Голос его был чужим, севшим, как будто он вытаскивал его из засыпанного колодца.

– Это ваш школьный приятель? Вы замялись, потому что не видели его много лет и даже не помните, как он выглядит. Вы ни с кем не общаетесь вне службы, и у вас нет семьи. – Анна кивнула на его пальцы без колец.

– Ну и что? Я учился в школе, значит, я человек.

– А вы уверены, что это не искусственная память? – продолжила наступление Анна. – У вас есть домашнее животное? Представьте, что на улице о вашу ногу потёрся грязный кот. Что вы сделаете?

Герман скривился и дёрнул левой ногой, сам того не заметив.

– А я должен что-то делать?

– Вы не задумывались, почему у вас нет домашних животных?

– От них воняет и слишком много грязи.

Его шея, натёртая жёстким воротником, покраснела. Он заскрежетал зубами.

– Да как вообще ты смеешь меня допрашивать? Да еще что-то требовать? – Герман одним прыжком подскочил к Анне и вцепился в горло. Бинго!

Она не сопротивлялась. Только прохрипела:

– Я запись нашего разговора отправлена вашему начальству. Убийца – это вы, Герман Теодорович. Вы только что подумали: если бы она умерла, никто бы не узнал, как я вел себя сейчас.

Он разжал пальцы, отшатнулся и сел на стул, тяжело дыша. Его лицо покрылось красными пятнами.

Через десять минут комиссия подключилась по видеосвязи к монитору над потолком и огласила решение: частичная перепрошивка с коррекцией поведенческих реакций. Формулировка гласила: «В связи с систематическим нарушением устава и несоблюдением субординации». Никто не упомянул, что Анна оказалась права насчёт памяти директрисы: результаты

вскрытия подтвердили, что улики не уничтожены. Это не имело значения. Имело значение то, что ее нужно было сделать более управляемой. Им нужен тот, кто делает и не задает вопросов. И не имеет собственной воли.

Ради соблюдения протокола ее спросили, согласна ли она.

– Я согласна, – холодно ответила Анна, потому что отказ означал принудительное стирание и утилизацию.

Дверь открылась, и в кабинет вошли двое санитаров в стерильных костюмах, за ними следовала женщина в белом халате с темными кругами под глазами. Доктор Вершинина, начальник лаборатории нейрокоррекции, несла в руках кейс, от которого пахло перегретой электроникой и медицинским спиртом. Анне вкололи успокоительное, хотя она не пыталась сопротивляться.

– Пойдёмте, Анна, – сказала Вершинина без всякого выражения.

Анна поднялась со стула и последовала за ней, стараясь не смотреть на людей, случайно встреченных в коридоре. Лаборатория располагалась в подвальном этаже, и на пути к ней Анна прошла три двери с кодовыми замками и два поста охраны с автоматами.

Попивая невкусный чай из пластикового стакана, Анна ждала своей очереди. «В космонавты меня, конечно, не возьмут, ведь я не заполняла заявку,» – пыталась она взбодриться. В вестибюле Анна осталась одна. Значит, скоро вызовут. Под потолком вещал телевизор. Как же скучно вот так сидеть! Анна проверила в десятый раз список нейротелепатических сообщений. Борис, её коллега из лаборатории нейростимуляции, прислал сообщение:

– Ну что, выйдешь за меня? – Как всегда на полном серьезе.

– Эту шутку я уже слышала. Придумай что-нибудь новое.

Подъехал и уткнулся в ботинок, деловито мигая, пылесос-блинчик, Анна послушно подняла ноги.

– Почему же?

«Ему явно нравится меня троллить. Или он мазохист?» – В очередной раз подумала Анна.

– Хоть раз извлеки меня из френдсписка, сходим в обед, зарегистрируем наши чувства.

Рука сжала гибкий стаканчик, будто собираясь выдавить из него весь чай. Раздражение заставило сердце биться чаще.

– Слушай, Борис, закажи себе андроида для удовольствий! Ты слышал, они теперь знают последние новости, и могут поддержать любой разговор.

Рука ослабила хватку. Разом вспотели руки от неприятной мысли: не прозвучало ли это слишком грубо с ее стороны? Она даже не знает, человек ли он. Анна потерла переносицу и раздрадованно махнула рукой, задев пульт управления телевизором. Переключился канал.

– Но я уже тебе платье заказал. Хочешь, фотки скину? – Как ни в чем ни бывало ответил Борис.

«Иногда я думаю, что он – не человек. О каких чувствах идет речь?»

– Пфффшшш!!!! – Глоток застрял в горле, и Анна громко закашлялась, забрызгав себя чаем.

– Что такое? – Послышался его недовольный голос. – Мое предложение тебе настолько противно? Или ты поняла, что я угадал твой размер?

Анна не успела завершить разговор: из-за двери выглянула медсестра и позвала ее внутрь.

Процедурная оказалась маленькой комнатой с белыми стенами и ярким светом, от которого слезились глаза. Анну попросили лечь на кушетку, и она послушно растянулась на холодной поверхности, пока санитары фиксировали ее руки и ноги мягкими ремнями. Доктор Вершинина подкатила столик с инструментами и принялась вводить ей в вену успокоительное, которое разлилось по телу ледяным покалыванием.

– Мы подключим вас к серверу Заслона, – объяснила она, вскрывая стерильную упаковку с микроэлектродами, – считаем слепок вашей текущей личности и затем наложим ограничения на нейронные цепи, ответственные за принятие спонтанных решений. Грубо говоря, вы станете более предсказуемой и осторожной. Все служебные данные, включая опыт пяти восстановлений, останутся при вас. Но некоторые личные воспоминания, которые не имеют отношения к вашей работе, мы вынуждены удалить, чтобы освободить ресурсы для новых поведенческих алгоритмов.

Личные воспоминания. Она судорожно попыталась ухватиться за самые дорогие образы. Всё это собирались стереть, как ненужные файлы с жёсткого диска. Анна закрыла глаза и представила, что находится в другом месте, где нет ни серверов, ни электродов, ни докторов, которые распоряжаются чужой душой. Она вспоминала август. Не тот, в котором ей делали прошлую перепрошивку мозга, а далекий и уже ставший нереальным – август ее детства.

Тогда всегда шёл дождь. И мамин белый плащ похожий на химический халат. И тоскливые поездки к бабушкиным друзьям на дачу. Гудящие, истоптанные ноги, искрящиеся капли на ветках кустов, собирание смородины и разбегающиеся потревоженные пауки-крестовики, лавирующие между сыплющимися брызгами с качнувшейся листвы. Это хруст лопающихся во рту ягод, обильно сдобренных сахаром и сметаной. А потом ноющие от кислоты зубы и оскомины на языке. Август – это всегда хлюпающие от дождя ботинки, шерстяные кофты и потерянные зонты. Она любила дождь. И его тоскливую безысходность, и его стук о подоконник, приглашающий к раздумьям, к созерцанию капель на стекле. Любила, когда мир за окном теряет свою режущую остроту солнечного дня, когда жаркая суeta сменяется зябким шуршанием, наполняющим все вокруг, плещущим через край ржавой жестяной бочки во дворе. Август – это напоминание о непрерывном круговороте жизни, о приближающемся упадке, о скользких разноцветных листьях на дороге...

Но реальность вернулась уколom в затылок, когда Вершинина установила контакт и начала калибровку.

Три часа прошли как в тумане. Анна помнила вспышки света, которые проникали сквозь закрытые веки, гулкие звуки собственного сердцебиения, усиленные аппаратурой, и момент, когда сознание раскололось на две части: одна оставалась прежней, а другую переписывали, как школьную тетрадь под диктовку учителя. Когда процедура закончилась, Анну отключили от электродов и помогли сесть. Голова кружилась, но мысли обрели непривычную чёткость.

Вершинина проверила зрачки и рефлексы, задала несколько тестовых вопросов и удовлетворённо кивнула.

– Операция прошла успешно. Через два дня вы сможете приступить к работе. Пока воздержитесь от интенсивных физических нагрузок.

Анна сползла с кушетки и на ватных ногах вышла в коридор, где ее уже ждал конвоир. Но вместо камеры ее привели в кабинет Берсенева.

Из-за двери в кабинет шефа, как всегда, вырывался холод, будто открываешь дверь в Арктику.

– Чай наливай сама, знаешь, где лежит. – С порога сказал шеф. Значит, разговор будет долгим. Анна включила чайник. Но пить не хотелось. И зеленого чая у него никогда нет. И сахара.

– Что известно о похищенных детях из интерната? – Анна приступила сразу к делу. Она уселась на жесткий стул. Бледный свет падал сквозь тучи на лицо шефа.

– Куда-то торопишься? Тебе еще предстоит восстановить ткани после травм при погоне. Но ты разве не помнишь, – уточнил шеф, – ты убила женщину.

– Ах, да, – с сарказмом начала Анна, – помню, она пыталась убить меня и скрыться.

– В любом случае твою память уже просканировали.

– Тогда чего тянуть. Некогда расслабляться, вы же сами всегда так говорите.

– Но я переживаю за тебя! – Воскликнул шеф, сверкнув очками. Анна никогда его таким не видела. И не хотелось. Она закрыла глаза.

– У этой женщины осталось двое детей. – Мрачно добавил шеф.

– Что же, пусть их отец отправит детей на воспитание к какому-нибудь американскому богатею. – Сердито проговорила она и отвернулась к стене. Немного подумав, Анна добавила, не открывая глаз:

– Я подам встречный иск на администрацию интерната.

Анна тяжело поднялась и вышла из кабинета, чувствуя, как каждый шаг отдаётся эхом в пустом коридоре. Все еще слегка кружилась голова. В туалете Анна всмотрелась в зеркало, пытаясь увидеть в отражении ту Анну, которая стреляла в директрису без приказа и прыгала с подоконника, рискуя разбиться. Но на нее смотрела чужая женщина с пустыми глазами, в которых застыла холодная рассудительность. Она подошла к зеркалу вплотную и прошептала: «Ты ещё жива. Ты ещё можешь выбирать». Но разум тут же возразил, что выбор – это иллюзия, а её задача заключается в поиске мальчика и возвращении его домой.

Позвонил Борис.

– Так, ты уже проснулась, да? – С разбегу начал он командирским тоном. Анна сморщила нос от раздражающих вибраций его голоса. – Ты что творишь вообще? – Не унимался он. – У нас вся контора на ушах стоит! Как такое вообще могло случиться? Ты соображаешь вообще? Это вообще адекватно?

«Да пошел ты!»

Анна отключила звонок. Отключила все связи с внешним миром. Идите все к черту!

Глава 2. Свет воспоминаний

Уже дома Анна хлебнула воды из холодильника и уселась на кровать. Нейроинтерфейс молчал несколько часов. Какое облегчение. Но тут раздался короткий писк, сигнал тревоги: кто-то взломал блокировку.

– Ты чего, совсем рехнулась? – голос Бориса прозвучал непривычно серьёзно. – Отключаться от всех – это, конечно, эффектно, но ты могла бы хотя бы мне сказать, что жива.

– Жива, – ответила Анна без выражения. – Почти.

– Почти – не считается. Слушай, я знаю, что они тебе перепрошили. Знаю, что ты чувствуешь себя... пустой. Но это пройдёт. И я всё равно буду рядом.

– С чего бы? – Хмыкнула Анна.

– Потому что ты, Анна, – единственный человек, который не боится послать меня куда подальше.

– Ты идиот, Борис.

– Ага. Но ты улыбнулась. Я слышу. Держи меня в курсе, ладно?

Борис отключился, не дожидаясь ответа. Думать ни о чем не хотелось, но в голову лезли воспоминания того, что случилось накануне, как будто она пыталась нащупать, что же пошло не так.

За два дня до выстрела.

– Шеф, я не понимаю! – Анна плюхнулась на стул напротив стола Береснева и закинула ступню на колено. Шеф поднял голубые глаза вверх очков и внимательно долго смотрел молча. – У нас вообще ничего нет. Зацепиться не за что! И мне отказывают в доступе к памяти задержанных на границе детей! Что за бред!?

– Ты же знаешь законы лучше меня. – Отозвался шеф с меланхолией в голосе, откидываясь в кресле.

– Но я не понимаю, чем отличается память ребенка и взрослого человека! – Начала она заново. – Нельзя сканировать детскую память во избежание распространения детской порнографии. Даже если это необходимо для раскрытия киберпреступления. Даже если я не буду делать копий. И даже если я обезличу данные, мне все равно отказано в доступе.

– Кстати, как там с памятью тех андроидов-похитителей? – Перевел шеф разговор на другую тему, вертя короткими пальцами шариковую ручку – памятный подарок жены. Хоть в ручках давно уже нет необходимости, шеф не может с ней расстаться.

– Как вы уже знаете, после их поимки обе скончались по неизвестной причине. Что ж, расскажу с самого начала. Полное разрушение структуры мозга: попросту все содержимое их головы превратилось в органический кисель. Каким образом – неизвестно, потому что они находились в изолированной камере под видеонаблюдением. Короче, никакой памяти извлечь не удалось. Была еще надежда на спинной мозг и нейроимплант глаз, но и там пусто, как будто кто-то вовремя все подчистил. Найдены остатки воспоминаний, перезаписанных поверх, но принадлежавших явно детскому возрасту. Это чужие воспоминания. Вероятно, были приобретены этими роботами для развлечения. Они содержат посещение парка аттракционов.

– А дети что? То есть их показания сходятся?

– Более чем. Дети утверждают, что сами настаивали на побеге. Бред какой-то. Психологи считают, что их запугали, и поэтому ограничили мне количество допросов.

– А ты не думаешь, что эти ложные воспоминания андроидам могли специально внедрить? Может быть, вирус?

– Определенно, то, что с ними случилось, результат вредоносной программы. Но не думаю, что воспоминания им записали насильно или без их ведома. Вы ведь в курсе, что подоб-

ные записи очень популярны, их на каждом углу можно достать. В отличие от действительно нужных мне показаний. – Анна скрипнула зубами.

– Андроиды подсели на воспоминания. Какая ирония!

– Какая там ирония, шеф! Как вообще теперь подступиться к делу? Директор интерната мне тоже всю неделю отказывает в аудиенции. Можно подумать, я к ней гости напрашиваюсь, – Фыркнула Анна, – Я ее подозреваю. Что если это она приказала нянькам-андроидам похитить детей и держать их в заложниках? Например, они могли украсть детей на органы для черного рынка.

– Кому это надо? – Недоверчиво покосился шеф и поправил прямоугольные очки. – Когда органы для трансплантации давно выращивают или печатают на 3D принтере.

– Это для тех, чей организм не растет. А как, по-вашему, будет расти распечатанный орган? Живой орган растет только внутри его владельца.

– Ну ладно, предположим.

– И мне представляется подозрительным, что эта дама избегает контакта с Заслоном. Она что-то скрывает. Давайте вызовем ее официально и вытрясем из нее всю правду.

Шеф сморщил нос. Вечно ему не нравились прямые методы.

– Ну, хотя бы тогда назначьте ей наконец встречу, чтобы я могла ее допросить.

Береснев поднял старомодную трубку у себя на столе и взглядом спросил, какой номер набирать. Анна повернула к нему экран своего смартфона. Шеф набил номер. Анна в который раз окинула взглядом комнату, казавшуюся оторванной от реальности. Это была капсула времени. Стены заставлены стеллажами, под завязку напичканными бумагами. Принтер раритетной модели. Чайный сервиз на лакированном столике. Напротив столика – кресло-качалка.

– Береснев, начальник отдела кибербезопасности беспокоит. Да. Завтра в десять к вам подойдет мой сотрудник выяснить кое-какие детали происшествия. Уклоняться от встречи не советую, у меня есть все полномочия посадить вас под арест.

Не прощаясь, он положил трубку.

– Ты знаешь, что российские интернаты обязаны пользоваться только отечественными андроидами. Постановление правительства. – Береснев пригвоздил Анну взглядом к стулу в тот момент, когда она уже собиралась встать. – А в «Рассвете» уже три года работали японские модели. Тебе нужно проработать такую версию. Директриса через подставные фирмы закупала их в тридорога, а разницу клала в карман. Попытайся выудить из нее признание. Но это только вершина. Нам нужно выяснить, кто организует поставки. Кто стоит за контрабандой. Вряд ли она сама тебе расскажет, поэтому найди повод ее задержать и доставить к нам.

Анна кивнула и устремила к выходу. В дверях шеф остановил ее:

– О памяти детей придется забыть, се ля ви.

– Жаль, как теперь искать пропавшего Диму? Они могли бы сказать, куда он делся до того, как всех повязали.

Анна повернула ручку и обернулась. Шеф на прощание добавил:

– И смотри, не вытряхивай из этой женщины всю правду, будь помягче, учись взаимодействовать с людьми.

Анна усмехнулась и с мрачным видом выскользнула в дверь: «Не понимаю, что это значит. Разве я не взаимодействую прямо сейчас?»

* * *

Вечером Анна отправилась к Борису.

– Ой, комикс! – Горящими глазами Анна пробежалась по первым страницам.

– Да, – кивнул Борис, – новый экземпляр в твою коллекцию.

– Как здорово! Спасибо! Ты недавно вернулся с фестиваля? – Анна заметила аккуратно развешенные на стальной перекладине гардеробного уголка фэнтезийные костюмы, чехол в человеческий рост, в котором, видимо, прятался лук. Прямо на столе Бориса поблескивал кин-

жал с гравировкой. Уже чесались руки его подержать, но Анна спрятала за спину их вместе с подаренным томиком про супергероев. Он знал, зачем она пришла, но не торопился давать ответ. Сначала они выпьют чаю в общей обеденной комнате лаборатории нейростимуляции, обсудят последние новости, состояние дел в Заслоне, музыкальные шедевры прошлого века, последние события фестиваля толкинистов... В общем, если ты собираешься зайти по делу к Борису, отмени все свои планы на вечер.

Припрятав бережно в сумку комикс, Анна откинулась в кресло, сжимая в обеих руках темно-синюю пол-литровую кружку – дымящуюся, обжигающую. Она лениво рассматривала листья монстеры, тянущейся зелеными лапами-листьями в окно, забрызганное каплями весеннего дождя. Что ей предстоит слушать сегодня? Именно слушать, ведь диалог по представлениям Бориса состоял в его монологе номер один, его монологе номер два и так далее. Места для реплик со стороны Анны не было предусмотрено. Иногда это напрягало, но если не пытаться ввинтить свое веское мнение по каждому затронутому вопросу, то, в конце концов, приходило ощущение, что ей нравится слушать его насыщенный эмоциями музыкальный голос. Не хриплый, не звонкий – мягкий. Она медленно погружалась в его интонацию как в гипноз. Какая разница, о чем они будут говорить. Говорил он складно и претенциозно, видно было его желание произвести впечатление. Вероятно, это его вторая натура – производить впечатление.

– А кстати, мы говорим уже полтора часа, – Борис посмотрел на свои аналоговые часы на кожаном ремне и задумчиво подергал короткую черную бороду. – Так что там у тебя за вопрос?

Нельзя было вот так просто попросить Бориса перекинуть файлы. Никогда он не делился своей информацией через средства связи. Только при личной встрече можно спросить и законспектировать, что тебе нужно. И связано это было вовсе не с тем, что они работали в разных отделах. Борис брал файлы, какие удавалось выудить из умершего мозга, и запирался в своем вылизанном до блеска кабинете, от пола до потолка выложенного белоснежным кафелем, очень занятый поиском новых открытий. Как он сам утверждал, работал он 24 часа в сутки. Очевидно, он очень дорожил своими находками.

Однако как у каждого сотрудника Заслона в догрузку ему достался участок сети под контроль информационного трафика. Все же звание нужно было оправдывать. Сбором и обработкой информации такого рода он, конечно, сам не занимался, а снабдил этой обязанностью несколько личных андроидов, периодически принимая от них стандартный протокол. Подозреваемая директриса интерната затесалась в число абонентов, вносящих свой скромный вклад в подконтрольный ему информационный поток.

Те самые биороботы, или андрюиды, которых так боялись в её детстве, теперь оказались в центре расследования. Анна помнила, как в детстве ее пугали новости о биороботах, на которых пытались отработать достижение человеческого бессмертия. Новосибирцы, конечно, мнили, что они произведут фурор по части пересадки сознания и памяти из организма, созданного природой в искусственно выращенный организм. Они были чересчур самоуверенны. Анна раз за разом вспоминала кадры из новостной ленты, как один из первых экспериментальных моделей вдруг начинал со стеклянными глазами нажимать на одну и ту же кнопку автомата, покупая снова и снова билет на один и тот же рейс. Он не мог остановиться, несмотря на рассерженные возгласы напиравшей толпы опаздывающих граждан. Пробка у автомата росла. Началась потасовка. Зависшего гражданина сначала ударили маргиналы. Челюсть его колыхнулась, разбрызгивая слюну, прямо как в трансляциях поединков по боксу. Подалась в сторону голова, а за ней шея, плечи. Биоробот в кадре сделал шаг в сторону для сохранения равновесия и невозмутимо продолжил тыкать пальцем в кнопку. Озверевшая толпа навалилась и подмяла его под себя. Хватая валявшиеся на полу билеты, некоторые спешили на отходящий поезд. В суতোлке на полу мелькали, периодически заслоняемые от камеры чьими-то ногами, глаза с остановившимся взглядом и палец, по-прежнему выполнявший одно и то же движение, как кукла, чей завод еще не кончился, но непостоянные дети уже выкинули ее валяться в пыли,

найдя игрушку поинтереснее. Безумный страх мелькал в глазах случайных свидетелей. Автомат мигал разноцветными огнями, слишком яркими, слишком веселыми, придавая сцене еще больше безумия.

Анне было страшно, однако оторваться от экрана она не могла. Она все думала тогда: «А что если со мной случится подобное?»

Верхушка мысли в нашей стране девяностых годов – биороботы, восстановленные из человека с полным или частичным сохранением памяти предшественника. Электронный мозг с огромным объемом памяти – мечта многих поколений, однако как уместить всю информацию за прожитые лет девяносто? Гениальная идея новосибирских ученых состояла вот в чем. Биороботу нет необходимости размножаться, а обновление его организма зависит от регулярного техобслуживания, так что дублировать триллионы раз основную информацию носителя нет нужды, но ее можно заполнить более актуальными данными. Например, памятью пережитого опыта. Однако у первых таких моделей с выпотрошенным ДНК были жесткие глюканы. Что-то в их нервных тканях замыкало, и они начинали воспроизводить одно и то же действие без остановки, пока им не перепрошьют электронный мозг.

Последующие модели уже усовершенствовали, но осадок недоверия у свидетелей их сбоя остался. Зато такой биоробот может реинкарнировать несколько раз, считай, мечта о бессмертии сбылась. Правда, поначалу доступно это осуществление мечты было далеко не всем. Государственные квоты выделяли только выдающимся исследователям для завершения их жизненной задачи, часто технология использовалась для политиков, были случаи, когда всем сообществом собирали средства на реинкарнацию видных творческих людей. Люди богатые выкупали себе квоты заранее, составляя договор на их посмертное обслуживание в практикующих трансплантацию клиниках. Потом операцию поставили на поток и, хотя это по-прежнему было недешевое удовольствие, многие люди вместо сбережений на похороны, вместо покупки земли на кладбище начали копить на пересадку своей личности в новое тело.

– Так о чем ты собиралась спросить? – Вернул Анну в реальность голос Бориса. Он поднялся из кресла, чтобы задернуть жалюзи, как будто в разговоре двух коллег было что-то секретное.

– Ты жалеешь о том, что стал биоконструктом? Ведь ты не давал согласия на трансплантацию. – Неожиданно для себя озвучила она свои догадки.

– Знаешь, я не понимаю людей, которые утверждают, что ни о чем в своей жизни не жалеют. Это нечто вроде бравады или самоубеждения. Им просто не хочется обдумывать свое поведение, иначе они бы нашли, о чем сожалеть. – Борис задумчиво дергал тонкими нервными пальцами себя за усы.

Анне нравилось рассматривать мужские руки. Если ногти обгрызены и окружены бахромой заусениц, человек либо слишком увлечен чем-то определенным, либо невнимателен ко всему. Если же ногти тщательно ухожены, острижены и отполированы – жди от его владельца любой гадости, вероятнее всего самой непредсказуемой. Руки Бориса балансировали на тонкой срединной линии между двумя этими крайностями, часто они были обветрены: слишком много времени он проводил на открытом воздухе.

– Я о многом сожалею. О том, что сделал и о том, что не сделал. Я сожалею, что не получил бельгийского гражданства, например. Но на твой вопрос я не могу ответить однозначно. Я не был готов участвовать в подобном эксперименте в качестве подопытного, это принесло мне много неудобств, скажем так. Но я знаю, что моя деятельность необходима Заслону, а значит опосредованно и государству. И мне это нравится. Быть необходимым это приятно. Знаешь, в чем разница между роботом и человеком?

Анна покачала головой. Если она начнет отвечать, любой ответ будет поднят на смех.

– Люди верят, а роботы знают. – Борис не улыбался ртом, но во всем его лице, в выражении глаз сквозило удовольствие от его метафизического открытия. – Давай-ка посмотрим, что удастся откопать на твою подозреваемую.

Директор интерната оказалась женщиной 35 лет, никогда не подвергавшейся трансплантации памяти или пересадке органов. Замужем, двое детей никогда не посещали интерната, воспитывались дома. Трафик в сети идеально чист, не засветилась ни на одном террористическом сайте, не искала информации, связанной с хакерскими действиями, черным рынком и тому подобным. Теперь понятно, отчего она изо всех сил отказывала сотруднику Заслона, в своем драгоценном интервью. Люди всегда так делают. Они считают, что киберпреступления – это для роботов и про роботов, а они к этому никакого отношения не имеют, и поэтому им не о чем говорить. Они предпочитают быть допрошенными привычными слуху сотрудниками МВД, чем какими-то сотрудниками непонятной организации, слишком похожей на всевидящее око или Большого брата.

– Вот что я думаю, – сказал Борис, – она или идеальный гражданин или что-то скрывает. Я бы на твоём месте проверил, не пропадали ли у нее из интерната еще дети.

– Я уже проверила, – нетерпеливо отозвалась Анна. Это же очевидно.

– Возможно, она не использует сеть для своих махинаций. Или пользуется DarkNet. Стоит копнуть глубже. Но тут я тебе не помогу, я слишком занят, чтобы тратить на это ресурсы. Я дал тебе ее ID, смотри сама. Проверь на ключевые слова, с кем она чаще всего переписывалась. Думаю, ты и так справишься. Обязательно пришли потом отчет прочитать, это ведь и меня касается.

Анна глубоко вздохнула и сжала зубы. Спихнул свою работу на нее, молодец. Она подхватила куртку и порывисто запустила руки в пустые рукава, всем своим видом показывая, как ей не терпится отправиться домой. Борис оторвался от кресла, чтобы проводить ее, попутно заводя новый разговор о каких-то пустяках, блогах, имена которых она никогда не слышала. Удивительна его потребность интересоваться всевозможными сплетнями и выставляющими себя на показ людьми. Анна пятилась к выходу, Борис наступал, опутывая ее новыми и новыми подробностями каких-то скандалов и чужих мнений. Наконец, она повернула ручку и выскочила в коридор, слабо освещенный ночными лампами и диодными стрелками, указывающими путь на выход.

Анна вышла под сыпавшийся дождь, такой свежий, такой будоражащий запахом свободы от замкнутого пространства и спертого воздуха четырех стен. Ее вездеход прошуршал, выхватив из темноты кривую надпись RIP на стене конторы. Анна втопила газ, оставляя ослепительно белые дорожки на мокром асфальте. Было уже за полночь. Город не спал, он никогда не спал. Навстречу вместе с холодными каплями неслись цветные огни и мириады запахов большого города. Пролетая по центральным улицам, которым оставили исторический вид, Анна опустила окно. В лицо косо хлестал поток дождя вперемешку с ветром, запахом озона, сточных колодцев, пиццерий, парфюмерных магазинов. Анна вдохнула глубже. Она наслаждалась. И не она одна. Как будто в обеденный перерыв здесь толпились у прилавков иностранцы, дамочки носились в азарте охоты на модные вещички в стеклянных аквариумах бутиков, увешанные пакетами как новогодние елки. Парочки неспешно общались под теплым светом торшеров, попивая латте в прикуску с тортиком.

Анна подумала о своей пустой квартире в пятнадцать квадратов, куда сейчас через оконное стекло сыплет мокрым светом уличный фонарь, где кроме стеллажа с коллекцией комиксов и кровати нет ничего. Есть еще, пожалуй, душевая кабина и холодильник, наполненный бутылками питьевой воды, ведь ей как биоконструкту нужно не так уж много. Она перестроилась, прокладывая дорогу в потоке автопилотируемых машин, и повернула обратно. Домой расхотелось. В кабинете есть запасной комплект формы, а на этаже душевая. Переодеваться вообще никакого смысла не было, по утрам Анна надевала то, что вечером приземлилось на

пол. Джинсы, кофта с капюшоном на молнии, куртка из искусственной кожи. Когда вещи приходили в негодность, она заказывала в интернете замену.

Капли дождя глухо забарабанили в спину. Наверху в одном-единственном окне горел свет, как будто контора сощурила один глаз, а другой недобро устала на мокнущую под весенним дождем девушку, хлопнувшую дверь автомобиля, стоявшего ровно перед надписью RIP. Вычислить вандалов, пишущих одни и те же буквы было ерундовым делом, но начальство не собиралось это делать, давая безликой массе подобную отдушину как единственный способ выплеснуть злость. Коммунальные службы старательно замазывали черные буквы свежей краской, а неизвестная рука народа вырисовывала их снова и снова.

В горящем окне Анна узнала силуэт Бориса. Конечно, кто еще здесь мог оставаться. Кое в чем он был прав: ночью Сервер не перегружен тысячами других пользователей, а значит работать можно гораздо быстрее. Чертов карьерист! Одолжил бы на ночь одного из андроидов на подмогу. Куда ему самому торопиться? Двигатель внутри красного вездехода икнул и свернулся калачиком в ночной тишине. Буквы на стене вспыхнули, выдернутые мигнувшим светом фар и утонули в сырой темноте.

Глава 3. Город, в котором всё чужое

За что Анна любила самолеты? За ощущение неотвратно надвигающегося приключения, которое начинается с выбора рейса и раскрывается со всей остротой, когда самолет вышел на взлетную полосу и остановился перед стремительным набором скорости. Какой русский не любит быстрой езды? Эту езду она любила больше всего: когда все быстрее мелькают огоньки вдоль обочины, и она замирает в ожидании волшебного момента отрыва от земли. Вы замечали, что даже капризные дети затихают в этот момент? Момент полной тишины и вакуума в животе. И вот уже внизу все становится игрушечным и красивым, а все проблемы и тяготы жизни остаются там, далеко, такими же нереальными и пустыми, как воспоминания о прошлой жизни. Домики-многоножки все больше сжимаются, топорща свои чешуйчатые спины, жуки-автомобили ползут по узеньким ниточкам-дорожкам, поблескивая стеклянными крылышками среди мхов-лесов, мхов-полей, вдоль голубых капелек озёр.

Все уже кажется таким несущественным: требовательный начальник, шумные соседи, личные проблемы... А впереди неизвестность, что-то новое, интересное и волнующее, солнце, брызги лета, беззаботность, новые люди, новые дела, но пока даже они подождут. В такие моменты легко прощаются обиды, и глупыми кажутся все ссоры. Вот самолет наклонился в сторону, и крыло полностью заслонило круглое окошко сбоку, вот он качнулся в другую, будто разминаясь, и за окном уже нет ничего, кроме белого тумана. И сколько ни тянись вниз, а игрушечный пейзаж, только что промелькнувший, к тебе не вернется. И пока борта лижут призрачные облака, ты понимаешь, что теперь полностью отдаешься в руки того капитана, чье имя даже не запомнилось в сутолоке взлета. И все теперь зависит от его воли и мастерства, а не от тебя.

Именно здесь, стянутая ремнем безопасности, какой бы странной она ни казалась, наступает свобода. Связанные многочисленными обязанностями и общественным мнением японцы тоже ощущают свободу, лишь находясь в туго затянутых узлах веревки. Будто в широких ладонях Бога ты плывешь где-то между небом и землей, уверенный, что все будет так, как должно быть. И вот туман расступается, и ты будто скользишь по голубой тарелочке с приклеенными по каемке облаками, а внизу плывут цветные лучи, и вдруг ты понимаешь, что это радуга. А бывает, что эти руки качает от тяжелой поступи шагов, и ты подпрыгиваешь им в такт. И совсем не задумываешься о том, что за бортом минус шестьдесят градусов, а под твоими ногами несколько тысяч метров. Для тебя это просто слова.

Однако любое ожидание начинается когда-нибудь тяготить, и под конец полета Анна внимательно, как в первый раз, всматривалась в лысины полей, в лезвия рек, в россыпь огоньков, будто драгоценных камней. Их движение становилось упорядоченным и похожим на поток кровяных телец в сосудах живого существа. Она парила над ним в ожидании разрешения на посадку, перебирая известные ей факты по делу.

Дима Кузнецов, сын заместителя министра внутренних дел. Похищен четыре дня назад из интерната «Рассвет».

Директриса интерната мертва, но есть список контактов, ведущий в Токио.

Часть андроидов-нянек куплена в Японии, несмотря на постановление правительства об импортозамещении.

Двоих детей и нянек-андроидов перехватили на границе, но их память стёрта неизвестными хакерами. Производитель андроидов-нянек – японская корпорация, но какая именно – предстояло выяснить.

Один ребенок, похищенный няньками все еще не найден. Это Дима. Есть вероятность, что его успели переправить за границу, так как рейс, которым собирались лететь няньки-андроиды – транзитный до Нариты.

Анна вспомнила последний разговор с Берсневым.

– Мальчик нужен нам живым и здоровым, потому что его отец грозит международным скандалом. Твоя задача – отправиться в Токио, найти ребёнка и вернуть его любыми средствами.

– Почему я? – спросила она, хотя уже знала ответ.

– Ты теперь идеальный солдат, Анна. Именно такой мне и нужен.

Анна промолчала. В душе клокотала пустота, которую новая поведенческая схема немедленно заполнила рациональными расчётами: шансы на успех, вероятность подстав, способы легализации в Японии. Всё это было знакомо и привычно, но вместе с тем отвратительно, как ношенная чужая одежда.

– Когда вылет? – спросила она.

– Завтра утром, рейс в Нариту. В токийском полицейском управлении тебя встретит детектив Кэньитиро Танака. Он будет твоим помощником. Он живой человек, из старинной семьи, но работает с биоинструментами и не разделяет предрассудков своих сородичей. По крайней мере, так он утверждает. Доверять ему безоговорочно не советую, но и проявлять враждебность тоже не стоит. Выполняй свою работу и возвращайся домой.

У Анны возникло ощущение, будто она соскальзывает по протертым ступенькам: она оступилась и теперь неизбежно разобьётся о каменный пол в конце лестничного пролёта. Такое чувство бывает, когда во сне спотыкаешься на лестнице. Не нравилось ей все это. Не нравилось, как ведет себя шеф, его непонятная самоуверенность, и как топорщится его борода – тоже не нравилось.

Ровно в семь утра она приехала в аэропорт на служебном вездеходе. В здании аэропорта ее встретил сотрудник Заслона с чемоданчиком, в котором лежали ее новые документы, кредитные карты и запасной нейроимплант на экстренный случай. «Полковник Берснев велел передать, что вы должны выходить на связь каждые двенадцать часов, – сказал он. – Если пропустите два сеанса подряд, вас объявят в розыск и направят группу захвата». Анна кивнула и пошла на посадку.

«Как же я люблю эти моменты взлета и посадки! Интересно, кто-нибудь может также сказать про себя: как я люблю рождаться и умирать!?» – думала Анна, когда самолёт коснулся земли в Нарите, и она зажмурилась на мгновение от резкого перехода между гипнотическим гулом турбин и реальностью чужой страны. Анна расстегнула ремень и потянулась за сумкой, чувствуя, как перепрошитые нейроны услужливо подсказывают алгоритм действий: получить багаж, пройти паспортный контроль, найти встречающего с табличкой, не вступать в лишние разговоры.

В зоне прилёта ее ждал мужчина в тёмно-синем плаще с табличкой «Анна В.» в руках. Детектив Кэньитиро Танака оказался высоким, жилистым, с острыми скулами и внимательным взглядом, который мгновенно скользнул по её лицу, одежде, даже походке. Он был человеком – это чувствовалось по чуть насмешливым морщинкам у полумесяцев глаз и по тому, как он чуть дольше обычного задержал руку на чемодане, проверяя вес.

– Детектив Танака, – представился он по-английски с лёгким акцентом. – Полковник Берснев предупредил о вашем прибытии. Я буду вашим контактным лицом на время расследования. Прошу следовать за мной.

Анна кивнула и пошла рядом, отмечая, как он держит дистанцию – не слишком близко, но и не отстранённо. В машине, старой «Тойоте» с кожаными сиденьями, пахло табаком и дешёвым освежителем воздуха. На заднем сиденье валялась пустая коробка из-под бенто. Детского кресла не было. Анна отметила это автоматически: у Танаки не было детей. Детектив сел за руль и включил классическую музыку.

– Я покажу вам город, представлю коллегам, а завтра начнём работу. Договорились?

Анна промолчала, но внутри закипало глухое раздражение. Она приехала не сакуру смотреть.

– Давайте, завтра, – откликнулась она.

Они проехали несколько развязок, нырнули в подземный тоннель, где жёлтый свет ламп сменялся белым, и вынырнули в платной зоне исторического района. Узкие улочки, двухэтажные домики с черепичными крышами, бумажные фонарики на калитках – всё это выглядело игрушечным, ненастоящим, как декорация к фильму о старом Токио.

– Вы давно работаете в полиции? – спросила Анна, чтобы нарушить тишину.

– Достаточно, чтобы понять, что не все преступления можно раскрыть, – ответил детектив, не отрывая глаз от дороги. – Но это не значит, что не надо пытаться.

Танака остановился напротив гостиницы, показавшейся Анне игрушечным домиком.

– Отдыхайте, – сказал Танака, выгружая её чемодан на тротуар. – Увидимся в девять.

Анна кивнула и вошла в здание – невысокий, узкий дом с раздвижными стеклянными дверями и миниатюрным садиком перед входом. Внутри пахло какой-то едой и старым деревом. В автомате она получила ключи от номера и направилась к лестнице. Ей комната оказалась на втором этаже, с окном, выходящим на узкую улочку, застроенную магазинчиками и кафе.

Анна потёрла переносицу и откинулась на подушку. За окном слышались голоса, сирены, неразборчивая музыка из соседнего бара. Она достала планшет и в который раз просмотрела список контактов, извлечённых из памяти директрисы. Несколько японских номеров, пока ни о чём не говоривших. Завтра Танака поможет их проверить.

Гостиничный телевизор на стене мигал заставкой на японском – иероглифы бежали по экрану, как муравьи по стеклу. Она достала планшет, подключилась к защищённому каналу Заслона и нашла нужный пакет. Японский язык – полный спектр: лексика, синтаксис, диалекты, сленг. Нейроинтерфейс принял файл за минуту, и язык влился в сознание холодной волной, как если бы она всегда знала эти слова. Теперь Анна понимала случайные фразы, долетавшие из коридора, объявления для постояльцев гостиницы, новости по телевизору, но пока не собиралась этого показывать. Пусть Танака и его коллеги думают, что она говорит только по-английски. В чужой стране лишний козырь в рукаве не помешает.

* * *

Наутро Анна с сотрудниками японской полиции быстро составили общий план работ, договорились о датах, о функциях каждого участника. Никаких скучных отступлений и лишней болтовни. Начальник Танаки задавал вопросы и комментировал. Говорил он очень непонятно из-за непривычного акцента. Оказывается, японцы очень не любят оставлять согласные на конце слова и подставляют к ним гласные звуки. Так появляется, например, слово «стопэ».

В комнатах, где Анну провели празднично полюбопытствовать обстановкой, в беспорядке тянулись шлейфы проводов, скрепленных серебристым скотчем и приклеенных к полу. Пока она с Танакой проходили мимо, несколько сотрудников, будто повинувшись негласной команде, прервали работу и вышли, шаря в карманах формы. Анна удивилась, но ничего не сказала, только передернула плечами. Ей показалось, что от нее бегут врассыпную, и эта мысль стала ей неприятна.

Как хорошо, что часть административных позиций уже заняты биоконструктами, и планируется полная замена людей на руководящих постах. Только алгоритм может просчитать единственное верное решение независимо от эмоций и личной выгоды.

После участка они поехали смотреть сакуру, как и обещал Танака. Цветущая сакура – это объект притяжения всех, кто любит цветы, красоту и сэлфи. Глядя, как женщина фотографирует мальчика под цветущим деревом, Анна подумала, что у многих японцев, должно быть, есть целый альбом детских фотографий, где они запечатлены каждый год на одном и том же месте. Она бы хотела полистать такой.

Одни ветви, усеянные пушистыми шариками цветов, тянутся вверх, как кошачьи лапки, к солнцу. Другие подобно крышам в китайском стиле раскинулись строгими линиями в стороны, пронзая весенний воздух.

Вороны в парке постоянно комментировали ее действия. Они прощались с посетителями, как гостеприимные хозяева, на выходе из парка. Они прыгали бочком, бочком и очень гордо вышагивали по лужайке, разговаривая с туристами. Анна невольно заулыбалась и не заметила, как скормила им всю дынную булочку, купленную в палатке.

– Хитрые мошенники, – кивнул Танака на пустую обертку в руках Анны.

Анна отправила видео их прогулки Бересневу и немного подумав Борису.

После парка Танака провел ее по надземному мосту-переходу, и они вышли к святилищу японских воинов. Здесь под густой тенью деревьев притаились каменные широкомордые и косматые собако-львы, веками несущие свою неусыпную службу. А под ярким солнцем грела свои ржавые проплешины высокая красная тория – ворота в воздухе на пути к святилищу. Здесь душам погибших воинов поклонялись наравне с богами, в том числе и военным преступникам класса А.

– Интересно, мечтают ли современные школьники быть зачисленными туда? Хотят ли они быть героями, или жизнь офисного планктона им нравится больше? Как думаете, Танака?

– Не знаю, вряд ли. – Тут же отозвался его приглушенный голос.

– А вы о чем-нибудь мечтали, когда учились?

Танака помолчал, глядя на красную торию. Ветер шевелил его волосы, и он не спешил отвечать.

– Я не помню, чтобы у меня были другие мечты. Только одна. И она не сбылась.

– А вы? – спросил он, не глядя на неё. – Вы о чём мечтали? До того, как стали... биоконструктом?

– Мечты – это для тех, у кого есть будущее. – Отозвала Анна. – Но, когда я была еще человеком, я мечтала увидеть цветущую сакуру. Жаль, что мечта сбылась только сейчас.

* * *

Анна проснулась с зудящим ощущением в правой руке. Во сне она видела, как с ладони стекают яркие капли крови. Они падали в снег и превращались в зрелые вишни. Она зачарованно смотрела им вслед. Они падали у ее босых ног, утонувших в снегу. Зябкий ветер ерошил бескрайнее снежное поле. Подол черного кимоно шевелился в такт его песне. Было несоразмерно погоде жарко. Приоткрыв глаза, и увидев, бледное белое мерцание, Анна решила, что это еще сон. Приглушенный звук, наполнявший все пространство, напоминал рассыпающиеся по полу бусины, красные бусины зрелых вишен или, может быть крови? А может сыплющиеся пустые гильзы? Анна замахала руками, пытаясь их поймать, и вскочила. Утренний свет, похожий на овсяный кисель, тускло освещал белую подушку, откинтое одеяло и поднесенную к лицу ладонь с покрасневшими отпечатками ногтей. Не в первый раз. После отъезда что-то смутно тревожило Анну, заставляя во сне крепче сжимать кулаки.

Потоки дождя создавали призрачные силуэты за стеклом. На мгновение ей показалось, что она не уезжала никуда, ведь небо заслоняют небоскребы, там, на горизонте, работает кран. Из раздвинутых створок дхнул холодом ветер. Лизнул щеку и зарылся в растрепанных волосах. Анна запахнула потуже отельную юкату. Токийский дождь жесток и коварен. И он несколько не теплый. Если выйти с зонтом, ветер выгнет спицы, и ты промокнешь насквозь. Если надеть дождевик, переменчивый ветер будет швырять острые капли в лицо, так, что ты захочешь защитить ладонью глаза, чтобы разобрать дорогу. Тут-то дождь и просочится в твою рукава, за пазуху, за воротник, а там и свернется ледяными каплями на пояснице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.